

Серов Г.А.

18+

極東

Крайний Восток

Сборник

# Георгий Алексеевич Серов

## Крайний Восток

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=63215762](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63215762)*

*SelfPub; 2020*

### **Аннотация**

Представлены: 1. Три рассказа из цикла "Сказочки народов мира", в которых объясняется, откуда пошли средневековая "чёрная смерть" и современный Ковид19, а также указывается о необходимости соблюдать осторожность при знакомстве с японскими женщинами. 2. Несколько рассказов из цикла "Дзенские притчи Таниндабуро Котэ" о приключениях монахов и наставников дзенских монастырей. 3. "Ятай" – исследование об исчезнувшем архипелаге, находившемся некогда в Тихом океане. 4. "Смартолюбцы" – рассказ о молодой паре, поглощённой с потрохами электронными устройствами.

# Содержание

Из серии «Сказочки народов мира»	4
Монголия	5
Япония	11
Китай	18
Из серии «Несколько дзенских притч Таниндзабуро Котэ»	28
Болван	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

# **Георгий Серов Крайний Восток**

**Из серии «Сказочки народов мира»**

\*\*\*

# Монголия

## Дщери Хубилая

Всем известно, что хан Хубилай, величайший правителей, владения которого простирались от Великого океана до Хазарского и Скифского морей, был поклонником поэтического творчества.

Радость покидает меня от того, что сохранилось лишь одно стихотворение – трёхстишие, название которого привести здесь не решаюсь про причинам, которые будут изложены впоследствии.

Всем известно также, что в браке Хубилая с Чаби, его второй старшей женой, народилось четыре сына и пять дочерей.

Судьба двух дочерей Хубилая: Мяоянь и Ху-ду-лу Цзе-ли-ми-ши, известна – Мяоянь приняла постриг и удалилась в монастырь Таньчжэ, что находится в Западных горах (Сишань), а Ху-ду-лу Цзе-ли-ми-ши стала женой Вон Чона – короля Корё.

Говорят, что судьбу их определил сон, что приснился обеим дочерям хана накануне его пятидесятого дня рождения. Согласно преданию, одной, той, что звалась Мяоянь, приснился синий дракон с зелёными глазами, а другой – красный с жёлтыми глазами. Хотя есть и другое предание, свидетельствующее о том, что события развивались совершенно

иначе: Мяоянь приснился красный дракон с жёлтыми глазами, а Ху-ду-лу – синий.

Однако история обычно умалчивает о судьбе трёх оставшихся дочерей: Асуудал, Тахал и Хар-Үхэл.

Легенда гласит, что после смерти Чаби, любимой старшей жены, Хубилай погрузился в пучину пьянства и обжорства, из которой вырваться ему суждено не было.

Поговаривают, правда, что пьянство и чревоугодие Хубилая связано, прежде всего, с провалом второй и последней попытки вторжения в Японию, когда запущенный богами-покровителями государства Страны восьми островов тайфун «Божественный ветер» уничтожил гигантское войско монголов, утопив корабли, насчитывавшие числом своим более тысячи. Не ладилось у хана и с завоеванием Дайвьета и Тямпы.

Впрочем, я отвлёкся, ведь речь здесь идёт о дочерях Хубилая и Чаби, оставшимися без матери и, почитай, без отца в достаточно юном возрасте.

Асуудал, Тахал и Хар-Үхэл в силу возраста склонны были к шалостям и причудам, свойственным избалованным и не привыкшим к каким-либо ограничениям в свободе своих действий личностям.

До Тахал, средней по возрасту из этой троицы, дошла молва, что отец её, хан Хубилай, помимо стихотворений, вписывающихся в рамки обыденной стихотворной формы, используя знания и умения своих советников, звездочётов, ма-

гов и провидцев, пишет так называемые магические стихи, прочтение одного из которых, да даже и доступ к его тексту были ханом категорически запрещены.

Разумеется, девица поделилась слухом со своими сёстрами Асуудал и Хар-Үхэл и с тех пор покой для них был утрачен. Они по крупицам собирали информацию из любых сплетен, слухов и молвы о магическом стихотворении, сочинённом Хубилаем.

Сплетни, одна невероятнее другой, доходили до их ушей. Говорили даже, что магический стих был причиной смерти их матушки Чаби, которой было от роду всего 54 года, и преданной ей служанки Люй Ши.

Мол, Чаби увлекалась поэзией, в том числе и сочиненной мужем её, и, втайне добравшись до исписанных Хубилаем листов с творениями стихотворной формы, среди которых был и этот проклятый стих, потребовала Люй Ши прочесть их вслух, дабы усладить слух свой.

Тела Чаби и служанки были обнаружены челядью, когда Хубилай озабочен тем, что любимая старшая жена не изволила лицезреть его в течение дня. По полу были рассыпаны листки с каллиграфией, а в руках Люй Ши был зажат листок с роковым стихотворением, состоявшим из трёх коротеньких столбцов.

Каково же было горе хана, когда он узнал о смерти жены! Однако ещё больше он был потрясён догадкой, молнией пронзившей его мозг, что жена его погибла из-за его увлече-

ния сложением магических стихов.

Он приказал трём своим советникам уединиться в одной из бесчисленных комнат императорского дворца в Ханбалыке с одним из слуг и, заткнув предварительно уши так, чтобы ни одно слово из стихотворения не достигло их слуха, приказать слуге прочесть вслух написанное на листке, обнаруженном в руках бедняжки Люй Ши.

Худшие опасения хана подтвердились – прочтя вслух все три столбца иероглифов, слуга упал замертво, что было засвидетельствовано советниками Хубилая.

Неизвестно, то ли присущее женскому полу любопытство, то ли врождённая злонамеренность послужили причиной произошедшего впоследствии – нам остаётся лишь гадать.

Составив примерное представление о том, что произошло в императорском дворце, через продажного хранителя манускриптов (эта продажность ему впоследствии дорого обойдётся – по указанию хана его заживо сварят в кипятке, впрочем, об этом далее) девицы Асуудал, Тахал и Хар-Үхэл получили листок со злосчастным трёхстишием.

И хотя сёстры не особо верили в фантастические слухи, они решили проверить магическую силу творения их отца следующим образом. Стихотворение будет вслух прочтено ими по очереди, то есть Тахал должна прочесть первый столбец, пока две её сестры, Асуудал и Хар-Үхэл, будут стоять поблизости, зажав уши руками, чтобы не пострадать, затем Асуудал будет читать второй столбец вслух, пока две её сест-

ры будут стоять рядом, зажав уши, и т. д.

В их представлении, такое прочтение стиха вслух им точно не принесёт ни малейшего вреда, а вот окружение, на что они втайне надеялись, может пострадать. С помощью стихотворения три сестры рассчитывали обрести власть над миром.

Для начала они решили проверить действие смертоносной магии на каком-нибудь водоёме. Под предлогом путешествия на родину, они отбыли в область Каракорум и там, отвязавшись от охранников, сообщив о необходимости омовения в чистых водах озера Там нуур, девицы привели во исполнение свой план.

Каково же было удивление охраны, сопровождавшей сестёр в их путешествии, когда на берегу озера были обнаружены охлаждающие трупы молодых прелестниц Асуудал, Тахал и Хар-Үхэл, а по глади озёрной растекалось огромное чёрное, схожее с чернильным, пятно.

Никому не известно, что произошло далее. Скорее всего, гонцу, примчавшемуся к Хубилаю со стороны Каракорума с печальной вестью о гибели трёх дочерей хана, была отрублена голова, а в направлении, откуда прибыл гонец, был направлен карательный отряд для истребления беспечных воинов, призванных оберегать жизни Асуудал, Тахал и Хар-Үхэл.

Дщери Хубилая были погребены, хранитель манускриптов принял мучительную смерть, а об озере Там нуур, что

услышало звуки, заряженные смертельной магией, быстро разошлась молва как об источнике гибели всего живого.

Однако Хубилай умер, сменилось не одно поколение, и поистёрлась порядком память людская об опасности. А уж когда по земле прошлась засуха и мор голодный, люди и животные вынуждены были кормиться и поиться из озера.

То было в первой половине века XIV.

Так началось шествие «чёрной смерти» по земле.

Неизвестна лишь судьба листка с начертанным на нём стихотворением – был ли он обнаружен рядом с трупами дочерей хана Хубилая и стал ли стих единственным сохранившимся из всего поэтического наследия правителя либо же таким наследием стал какой-то другой стих?

# Япония

## Прогулка Юмэ

В этот жаркий июльский день Осороши Юмэ неспешно прогуливался по песчаному взморью. Вечно беспокойный океан сегодня был особенно сердит, грозясь утащить незадачливых купальщиков в свои глубины, поэтому пляж был почти пуст.

Юноше встретились лишь парочка девиц в закрытых купальниках, прыснувших от смеха, желая, по-видимому, обратить на себя внимание Юмэ, когда тот проходил мимо, да ребятня, запускавшая воздушного змея странного вида – леска тянулась от парившей в воздухе женской головы с хвостом из зелёного цвета мишуры.

Юмэ невольно засмотрелся на завораживающую и одновременно жутковатую картину парения в воздухе женской головы, выглядящей столь натурально, и колыхания зелёного хвоста в потоках влажного ветра, дувшего со стороны штормящего океана.

Простояв пару минут, наблюдая за полётом змея, Юмэ развернулся и собрался было уже идти далее, как перед ним, словно ниоткуда, появилась Она – прекрасная незнакомка в изящной работы пляжной тунике, сквозь тонкую ткань которой угадывались манящие женские формы.

– Ох! – Выдохнул Юмэ, столкнувшись лицом к лицу с девушкой. Кровь бросилась к лицу и сердце затрепыхалось в груди птицей, подстреленной безжалостной стрелой, выпущенной из длинного лука юми.

Перед ним стояла та самая прелестница из сотен его самых сладчайших и одновременно горчайших снов, неизменно заканчивавшихся бесплодными попытками угнаться за исчезающим, уплывающим, испаряющимся в воздухе видением совершенства красоты в женском обличье.

Как быть? Что же это, он вновь мечтает или...

– Сорри, ой, в смысле, сюмимасэн. – Начал Юмэ, но лишь тихая улыбка была ответом на его сбивчивые извинения.

– Не стоит суетиться, Юмэ, ведь известно, что поспешность губит дело. – Скромно опустив взор свой на желтизну песка, промолвила девушка.

– Вы... Вы знаете моё имя? – Удивился Юмэ.

– Да, ведь я живу с вами в одном отеле и давно за вами наблюдаю. Вот и услышала ваше имя в один из дней. Не помню... возле ресторана, по-моему.

– Вы наблюдаете за мной? Но я вас ни разу не видел. – Воскликнул Юмэ.

Девушка лишь рассмеялась в ответ. Пока её звонкий переливчатый смех звучал в ушах Юмэ, он успел тысячу раз проклясть себя за свою бестолковость и рассеянность: «Надо же, проглядеть свою мечту! О чём я только думаю!»

– Милый Юмэ, я как только увидела вас, сразу же поняла

для себя, что мне определённо нравится этот молодой человек. – Проговорила тихо девушка. – Я искала встречи с вами, но, как я поняла, каждый день мы оказывались в разных местах. И наконец-то...

– Наши дороги пересеклись. – Не дал договорить ей всплывший огнём любовной лихорадки Юмэ. – Как зовут тебя, прелестница?

– Хеби. – Вновь потупив взгляд, ответила девушка.

– Хеби? – Спросил Юмэ, не веря своим ушам. «Родители твои были знатными выдумщиками» – хотел было продолжить он, но осёкся.

– Хеби, Хеби... Хе-е-би... Как здорово! Какое сладкое имя. – Юмэ, хотя и не имел особого опыта общения с прекрасным полом, но какой-то внутренний задор, проснувшийся в нём неожиданно для него самого, подтолкнул его взять инициативу в свои руки. – Может, прогуляемся? День такой славный, пляж пустынен, как никогда, и ничто не помешает нам насладиться прогулкой.

– Это то, о чём я мечтала ещё с прошлой недели. – Радостно проговорила Хеби и лёгкой походкой, сопровождаемой изящным и столь притягивающим покачиванием тонкого стана, направилась в сторону невысокой скалы, о которую разбивались океанские волны.

Хеби шла немного впереди и бросала через плечо лукавые многообещающие взгляды, от которых Юмэ совсем потерял голову. Ему вовсе не показалась странной такая прогулка по

вязкому песку пляжа, хотя со стороны могло показаться, что Хеби заманивает юношу в некую ловушку.

– Ну вот, наконец-то пришли. – Запыхавшимся голосом радостно сказала Хеби, когда они подошли к скале. – Здесь нас никто не увидит. Поцелуй меня!

– Но... Как? – Поразился Юмэ. – Прямо сейчас?

– Ты не хочешь меня? – Надув губки сказала Хеби. – Со всем?

– Я... Я просто не думал, что как-то так сразу. Это неожиданно, что ли... – Поспешно забормотал Юмэ, но последние его слова утонули в сладком влажном поцелуе Хеби, которая, как ему показалось, готова проглотить его целиком, утопить в своей тёплой дрожащей плоти.

Затем всё произошло настолько быстро, что Юмэ даже не успел понять, что же конкретно случилось, – Хеби начала плавно спускаться вниз, осыпая поцелуями шею, грудь, затем живот юноши. Он сдёрнул, разрывая второпях свою тонкую рубашку. Хеби проворными пальцами расстегнула ремень его брюк и, расстегнув ширинку, рывком сняла с него брюки вместе с трусами.

Когда Хеби поднимала голову, чтобы посмотреть в глаза Юмэ, ему на мгновения казалось, что глаза девушки напоминают кошачьи, но наваждение это рассеивалось как дым – молодой человек полагал такие видения некой галлюцинацией, вызванной волнами сладостной истомы, что накатывали, захлёстывая его с головой.

– Снимай обувь! – Приказала Хеби и Юмэ, стгорая от нетерпения, с радостью подчинился приказанию, скинув прочь свои шлёпки.

– Ложись и закрой глаза! – Повторно отдала приказ Хеби и юноша покорно подчинился ей в предвкушении безграничного наслаждения.

– А ты? – Спросил он, постанывая от мучительно-медового возбуждения. – Я хочу посмотреть на тебя.

Девушка ничего не ответила, но, хихикнув, отползла к ногам Юмэ и...

– О-о-о, Хеби! – Выдохнул юноша, почувствовав, как большие пальцы его ног коснулся язычок девушки. Истома накатывала на него волнами, поднимаясь от кончиков пальцев ног к груди и выше, выше... Он впал в полудремотное состояние в ожидании полёта к звёздам.

Внезапно Юмэ почувствовал, как ноги его погружаются в нечто влажное, теплое и мягкое. Он открыл глаза, посмотрел на свои ноги и, к ужасу своему, увидел, как Хеби, нет, не Хеби, а некий монстр с гигантской пастью поглощает его, придвигаясь к его туловищу, широко, настолько широко открыв свою глотку, что в неё вошли обе его ноги.

От неожиданности он вскрикнул и дёрнул ногами, пытаюсь вытащить их из пасти жуткого существа, которое раньше было Хеби, однако ноги его не слушались – они успели уже увязнуть в ало-красной утробе чудовища, толчками поднимавшегося всё выше и выше по направлению к голове Юмэ.

– Значит, глаза у неё были не кошачьи, а... змеиные! – Успел подумать юноша, когда рот уродливого монстра добрался уже до бёдер, заглатывая Юмэ всё глубже и глубже.

Затем он почувствовал лёгкий укус в живот двумя острыми как иглы зубами и погрузился в блаженную дремоту, которую можно было бы сравнить с сексуальной эйфорией на пике наслаждения, если кто-то озаботился бы таким сравнением.

Юмэ же было не до сравнений – он лишь чувствовал как его тело всё глубже и глубже погружается в тёплую обволакивающую утробу чудовища.

Вдруг в какой-то момент юноше стало не хватать воздуха, предсмертные конвульсии пробежали по его расслабленному телу, он сделал отчаянную попытку выбраться из чрева жуткого монстра, но тщетно.

Когда тело Юмэ перестало содрогаться в агонии, душа его взмыла над изгибающимся в ленивой сытой истоме зелёным телом гигантской змеи с мерзкой, имеющей змеиные черты лица женской головой, вместо змеиной.

Жёлтые, сузившиеся на солнце зрачки словно нехотя проследили за полётом души юноши и изо рта чудовища высунулся на мгновение раздвоенный язычок, как будто бы змея махнула Юмэ на прощание.

Лёгкая туника, что была надета на тело прекрасной Хеби, волочилась по песку, сдуваемая вглубь пляжа крепчающим ветром с океана. Вдали, в лучах краснеющего солнца, кло-

нящегося к горизонту на Западе, трепыхался на ветру воздушный змей в виде женщины-змеи – Нурэ-оона.

# Китай

## Стихи смерти

Две девчонки-школьницы в ярких лёгких курточках и юбочках-шотландках, Люй Ши и Сунь Ся, прогуливались по рынку, оживлённо щебеча о своём, девчачьем.

– Слушай, мне Лу Ян совсем не нравится. – Тряхнула кошечками Люй Ши. – Он какой-то, как бы тебе сказать, долговязый как бамбук и неуклюжий как панда. И к тому же, бэ-э-э, – она скорчила гримаску, изображая человека, одолеваемого рвотными позывами, – он весь такой прыщавый и, к тому же, очкастый.

– Ты что! – Вступилась за Лу Яна, парня из их класса, Сунь Ся. – Внешний вид в человеке не главное. Зато с Лу интересно общаться!

– Ой, кто-то у нас влюбился в кого-то. – Озорным взглядом глянула на подругу Люй и шутливо пихнула её локтем.

– Перестань! – Лицо Сунь порозовело. – Перестань сейчас же! А то обижусь.

– Да ладно, уж и пошутить нельзя. – Примирительно сказала Люй.

– А вот, кстати, ты мне напомнила одну вещь! – Воскликнула Сунь. – Знаешь, что Лу Ян мне недавно рассказал? Я бы, может, и не вспомнила, да моя подружка, ты её не зна-

ешь, мне про такое же рассказывала.

– И чего же Лу рассказал тебе такое? – Скептически спросила Люй Ши – она, как и любой эгоист, не очень любила, когда при ней разговаривали не о ней и не о её чувствах, а на какие-то, как ей казалось, отвлечённые и неинтересные темы.

– Ты, может, слышала о том, что существуют такие стихи, прочтение которых вслух, приносит беды и несчастья? – Спросила, расширив глаза от напускного ужаса, Сунь Ся.

– Нет, конечно. – Скорчила гримаску Люй Ши. – Что за ерунда?

– Не ерунда! – Глаза Сунь загорелись и она затараторила. – Вовсе не ерунда. Я тоже сначала не поверила Лу Яну, но когда мне рассказала о таком же моя подруга, ты её не знаешь, Ци Хай зовут, она ещё недавно из Токио вернулась. Так вот, когда Ци мне рассказала, что с ней в Японии произошло, все мои сомнения рассеялись, как утренний туман над Хуанхэ.

– Да? – Столь же скептическим тоном поинтересовалась Люй. – И что же такого она тебе рассказала?

– Вот, слушай. – Собравшись с духом, выпалила Сунь. – Ци, когда из Токио вернулась, была сама не своя – на костылях передвигалась, похудела.

Она подумала немного, затем, понизив голос, продолжила:

– Я у неё, конечно, спрашивать начала: что, мол, с тобой,

подруга такое? А она мне, так, мол и так. Есть, говорит в Японии такое поверье – кто вслух прочтёт стихотворение «Ад Томино», тот, если и не помрёт, по любому пожалеет о том, что прочёл этот стих. Навалются на того всякие беды и несчастья, ну или если не на него, то, по крайней мере, на его близких.

– Ну и? – Насмешливо посматривая на подругу, спросила Люй.

– В общем, Ци так же как вот и ты сейчас, относилась ко всем этим поверьям и рассказам. Пospорила со своей японской подружкой, что прочтёт это стихотворение жуткое и ничего с ней не случится.

Сунь подошла к прилавку с фейхоа и, понюхав один из плодов, попросила у торговца взвесить ей один цзинь. Пока тот взвешивал, девочка продолжила, неизменно понижая голос, словно боясь быть услышанной кем-то:

– Ци, скорее, даже не поспорила, потому что её подружка, Наоки, если не ошибаюсь, всячески отговаривала её от такой затеи. Как это назвать – бравадой, что ли?

Торговец передал Сунь пакетик с фейхоа и, получив причитающееся, улыбнулся всеми своими немногочисленными жёлтыми зубами. Девочки отошли от прилавка и продолжили свой путь в рыночной суматохе.

– В общем, прочла Ци это стихотворение проклятое вслух. – Продолжила задумчиво Сунь. – Японка в это время в другую комнату ушла и, по её заверениям, зажала себе уши

покрепче, чтобы не слышать.

– Ага, и чего дальше? – Слушая вполуха, спросила Люй.

– Чего дальше? – Вздохнула её подруга. – А дальше вот что. День прошёл, другой – ничего. А вот на третий...

Ехала Ци в автобусе на экскурсию на остров Садо и автобус этот ограждение пробил и прямиком в море – водителю плохо стало, то ли инсульт, то ли инфаркт, но это, в принципе, не важно. Короче, чуть не пошла наша Ци на корм рыбам. Чудом выловили, откачали, но ноги переломаны, сотрясение мозга, операции и тому подобное.

– И что же, твоя подруга связывает это с прочтением стихотворения «Ад Тобико»? – С усмешкой осведомилась Люй у Сунь Ся.

– «Ад Томино» – Поправила Сунь подругу, а затем продолжила. – Выходит, так. Она когда в больнице девочкам в палате рассказала, на неё все как на умалишённую смотрели. Говорят, ты что, не знаешь, сколько народу в Японии погибло из-за стиха этого жуткого? Ты знаешь, говорят, статистику суицидов в Японии? Ты думаешь, это люди сами себя? Нет, это вот все такие же, как ты, идиоты. На спор читают, а потом либо в речку с моста, либо на ножик напорются, либо в петлю лезут. У них в голове от стиха этого чего-то переключается и всё, пиши пропало. До старости точно не доживешь.

Сунь опять тяжело вздохнула.

– Вот теперь Ци с этим как-то и живёт. Пока, говорит,

держусь, но мысль эта мне покоя не даёт. Хочу надеяться, говорит, что на этом автобусе мои несчастья закончились, но...

– Что ты мне ерунду всякую рассказываешь? – Люй изменилась в лице. – Настроение испортила только.

– Не ерунда всё это, Люй! Ты, вот, например, знала, что и в России есть такое стихотворение, которое, если прочитаешь вслух, то обязательно беда придёт? «Смерть пионерки» называется.

Его там написали в прошлом веке в начале 30–х, в 1931–м или 1932–м году. Потом ввели в школьную программу к разучиванию и прочтению вслух перед классом в обязательном порядке.

Сунь внезапно остановилась, оглядываясь вокруг в поисках чего-то. Люй, следуя примеру подруги, тоже встала и начала с любопытством рассматривать прилавки со всякой съедобной и не очень съедобной снедью.

– И вот представь, вызывают какого-нибудь пионера или пионерку на уроке к доске читать этот стих, а вечером за папой или мамой приезжают и либо на расстрел везут или в Сибирь. А в Сибири зимой знаешь как холодно? – Глаза Сунь раскрылись от ужаса. – Минус сорок – минус пятьдесят. Бр–р–р. Цхао ни ма!<sup>1</sup> Короче, смерть верная!

Сунь перевела дух, оглянулась воровато по сторонам – не

---

<sup>1</sup> По морально-этическим соображениям данное выражение оставлено без перевода. Оно означает «... ..!».

услышал ли кто крепкое выражение из её уст – и продолжила:

– Пионеры-то когда поняли, к чему приводит чтение вслух стиха про пионерку эту, начали всячески избегать выходить к доске. Но пока дошло до них, народу в России, тогда ещё СССР, постреляли да по лагерям сгнобили!

– Да-а? – Словно не веря своим ушам, спросила Люй. – Слушай, Сунь, а ты умом случайно не повредила ли? Вместе со своей подругой Ци и прыщом этим ходячим Лу Яном? Что за бред?

– Да не бред это, Люй! – Чуть не плача воскликнула Сунь. – Всё совпадает – в начале тридцатых стих написали, пока вводили в школьную программу, пока то, пока сё, репрессии эти советские и начались. Против фактов не попрёшь!

Вот и у вьетнамцев есть такой стих. «Кровавый лотоса цветок» называется. И у корейцев...

– Наверняка какой-нибудь «Кровавый пёс». – Перебив подругу сострила Люй и хохотнула, довольная своей шуткой. – Или «Адкий», нет, «Ац-ц-ц-цкий пёс»!

– Тебе бы всё смеяться. – С дрожью в голосе сказала Сунь, покусывая губы от досады.

Она лихорадочно сняла со спины ранец и, покопавшись в его обширных внутренностях, достала на свет тетрадь в красной обложке.

– Вот, смотри, у меня распечатки этих стихов вклеены в

тетрадку. И перевод их на китайский рядом. Вот, – Сунь трясущимися от волнения руками перелистывала разлинованные листки с наклеенными листками плотной белой бумаги. У корейцев это не «Кровавый пёс», а «Хон Суль уходит из дома». Мне Лу Ян на недельку эту тетрадку дал, я у него выпросила.

– Я каракули русские и корейские не разбираю, а в японском хоть и есть наши иероглифы, но их немного, так что тоже, считай, не понимаю ничего. – Усмехнулась своими изящными губами Люй, глядя через плечо подруги в тетрадку. – Наверняка перевод вслух читать бесполезно, так ведь?

– Ну, не знаю, наверно. – Пожала Сунь плечами. – Хотя я лично проверять бы не стала.

– А интересно, у нас в Китае есть такой стих? – Впервые проявив заинтересованность, спросила Люй у подруги.

Тут Сунь, видя, что её рассказом наконец-то всерьёз заинтересовалась любимая подруга, допустила непростительную оплошность, брякнув:

– Ну конечно есть. Он короткий, но как сказал Лу, обладает убойной силой, так что лучше его не то что вслух, но даже и про себя дозированно читать.

– Как стихотворение-то называется? – Полюбопытствовала Люй.

– Ты что – дура? – Брови Сунь поползли вверх. – Ты меня просишь вслух произнести название стихотворения, которое и про себя-то лучше не произносить, а уж тем более не

читать полностью? Мне Лу Ян сказал, что в последний раз вслух название стиха случайно произнесли в 1968 г. в Гонконге, а примерно в первой трети XIV века какой-то зловредный идиот догадался прочесть весь стих вслух!

– И что?

– И ничего! – Чуть не завопила Сунь. – Историю в школе проходила? Про «чёрную смерть» слышала? А про гонконгский грипп? Все эти бедствия от произнесения вслух слов из этого стиха пошли!

– Я тебе не верю! – Вызывающе сказала Люй. – Давай проверим!

– Нет, нет и ещё раз нет! – В ужасе отшатнулась Сунь от подруги.

– Ну-ка, дай! – Озорно воскликнула Люй и, не дожидаясь, пока Сунь отдаст ей тетрадь, с силой рванула её из рук подруги. Не успела обиженная грубым обращением Сунь открыть рот, как Люй уже начала читать «смертельные стихи»:

– Ну-ка, ну-ка, посмотрим, где тут «Пионерка»? А, вот:

«Воздух воспаленный,

Черная трава.

Почему от зноя

Ноет голова?

Почему теснится

В подъязычье стон?»

– У-у-у-у, как страшно! – Громогласно воскликнула Люй, театрально откидывая голову назад.

Сунь явно не ожидала такой подлости от подруги, поэтому, не успев отобрать у неё тетрадь обратно, она только зажмурила глаза и заткнула уши, чтобы не слышать ужасные строчки. Она лишь шептала, глотая слёзы:

– Что ты делаешь? Перестань, перестань сейчас же!

Люй тем временем, упиваясь обретённой властью над подругой, продолжала листать тетрадку:

– Та-ак, а где тут у нас «Ад Мисико»? О, вот! Итак, внимание – «Ад Томино». Слушайте все! – Проорала Люй и принялась читать:

«Старшую сестру рвёт кровью,

Младшая сестра плюётся огнём,

Милая Томино плюётся драгоценностями.

Томино умерла в одиночестве и брошена в ад,

Ад, тьма, без малейшего цвета...»

– О-о-о, какая жуть! Ха-ха-ха! – Глумливо засмеялась Люй.

Сунь, видя, что подруга не собирается прекращать представление, предприняла слабую попытку вырвать тетрадь у неё из рук, но та, хохоча, отбежала от подруги и принялась искать китайское стихотворение.

К тому времени, как Сунь нагнала её со словами: «Чёртова уханьская девчонка», Люй уже успела добраться до китайского стихотворения и принялась громогласно зачитывать его перед лавкой продавщицы морепродуктами.

Шёл ноябрь 2019 г.

---

Использованы отрывки из стихов Э.Г. Багрицкого «Смерть пионерки» и С. Ясо «Ад Томино».

# **Из серии «Несколько дзенских притч Таниндзабуро Котэ»**

\*\*\*

# Болван

Один монах ужасно боялся гнева своего наставника Буцуки, отличавшегося суровым нравом. Действительно, Буцуки, когда ученики неправильно, по его мнению, отвечали на вопрос, лупил их по голове своим посохом. Именно поэтому ученик, каждый раз, когда Буцуки обращал к нему свой вопрос, старался отвечать в духе дзен.

Так, например, когда Буцуки, увидев спешащего на кухню ученика, спросил у него: «Ты не на кухню отправляешься ли?»; тот ответил: «Луна заходит за склон Исидзути в ночь накануне начала праздника Бон».

Получив несколько раз подобные ответы на, казалось бы, вполне простые и не подразумевающие каких-либо дзенских глубин вопросы, наставник лишь удивлённо поднимал вверх брови, но впоследствии это начало его раздражать и, выслушав подобный ответ ученика (например, «Чу! Слышите, как улитка ползёт по слону Фудзи?» или «Тихо в лесу Аокигахара, только барсук Тануки не дремлет»), он кричал ему вдогонку: «Болван!» или «Идиот!».

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.